

ПСИХОЛОГИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В ПОВЕСТИ «СТАРОСВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ» Н. В. ГОГОЛЯ

Опубликовано: Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. Вып. 2. – СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2008. – С. 64-69.

Н. В. Гоголь более всего ценил именно психологическую сторону своего творчества: «Все мною написанное замечательно только в психологическом значении» (8, 427)*. Е. А. Климов (2002), считая, что психологическая информация порождается не только психологами, но и писателями, очень высоко оценивает наследие Гоголя с этой точки зрения и высказывает мнение о том, что реконструкция знаний Гоголя о психике по его творчеству может существенно преобразить современную психологию.

Высшая степень принятия другого человека — любовь, однако, она может проявляться в разной степени, это понятие в русском языке охватывает и высшие, и примитивные ее формы, редуцированные, мало достойные человека («суррогат любви»), что ярко показано в творчестве Гоголя. Свои комментарии по этому поводу писатель выразил в письмах другу А. С. Данилевскому, обращая внимание на признаки истинной любви к другому человеку: 1) 30. 03. 1832 г.: «Любовь до брака — стихи Языкова: они эффектны, огненны и с первого раза уже овладевают всеми чувствами. Но после брака любовь — это поэзия Пушкина: она не вдруг обхватит нас, но чем больше вглядываешься в нее, тем она более открывается, разворачивается и наконец превращается в величавый и обширный океан, в который чем больше вглядываешься, тем он кажется необъятнее, и тогда самые стихи Языкова кажутся только частию, небольшою рекою, впадающею в этот океан» (10, 227-228). 2) 20.12.1832 г.: «Сильная продолжительная любовь проста, как голубица, то есть выражается просто, без всяких определительных и живописных прилагательных, она не выражает, но видно, что хочет что-то выразить, чего, однако ж, нельзя выразить и этим говорит сильнее всех пламенных красноречивых тирад» (10, 252). В дальнейшем в духовной прозе зрелый Гоголь свяжет любовь к человеку и любовь к Богу, что соответствует христианскому принципу единения человека с Богом через любовь.

На наш взгляд, старосветские помещики из одноименной повести, нежно любящие друг друга, являются среди всех гоголевских «любящих» наиболее целостными, зрелыми личностями (в нашей типологии, тип личности «не-алиби в межличностных отношениях», выбирающей жизненный путь «к раю на земле», т.е. через осмысление земного бытия (Коржова Е. Ю., 2004)).

«Старосветские помещики» занимают особое место в творчестве Гоголя. Это повесть, утверждающая непреходящую ценность любви, дающая

---

* В статье ссылки на произведения Гоголя даются по Полному собранию сочинений 1937-1953 гг. В скобках первая цифра означает том, вторая страницу.

нравственный урок (Гуминский В. Н., 2004), соединение поэзии и прозы (Золотусский И. П., 2002). Как идиллию повесть определяли многие, в том числе А. С. Пушкин, Н. Е. Котляревский, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, В. В. Виноградов, В. Гиппиус, М. М. Бахтин, Б. Эйхенбаум, И. А. Есаулов. По Ф. Шиллеру и В. Гумбольдту, идиллия является стремлением изобразить человека в гармонии с собой и миром. В самом деле, в повести Гоголь утверждает ценности патриархальной идиллии перед суетными исканиями человека и в то же время показывает ее недостаточность, ущербность, духовную неполноту. Поэтому не будет противоречащим и мнение Н. Е. Крутиковой (1992) о том, что «Старосветские помещики» — не идиллия, а непрочность идиллии.

Прототипами старосветских помещиков были дед и бабка Гоголя Гоголь-Яновские — Афанасий Демьянович (офицер украинского войска) и Татьяна Семеновна (в девичестве Лизогуб, правнучка гетмана Скоропадского). Дед закончил Киевскую духовную академию, похитил свою ученицу и тайно женился на ней. Семейная романтическая история отразилась в повести в истории женитьбы Афанасия Ивановича Товстогуб на Пульхерии Ивановне. В молодости Афанасий Иванович «служил в компанейцах», затем секунд-майором. Он увез ее против воли ее родных. Но это было так давно (т.е. настолько уже не имеет значения для настоящего), что сам Афанасий Иванович уже об этом и не вспоминает. По контрасту с необыкновенными происшествиями минувших дней нынешняя жизнь отличается уединенностью покоя и предрасполагает к наслаждению деревенской природой с «дремлющими и вместе с тем гармоническими грезами» (2, 16).

Описание внешности и внутреннего мира старосветских помещиков соотносится писателем с неспешностью патриархального уклада, утверждаемого как ценность. Усадьба старосветских помещиков, где природа перетекает в быт и наоборот, — образ почти земного рая в описаниях земного человека (Бойко М. Н., 2005), «пространство рая» (Летин В. А., 1999). Афанасий Иванович мало занимался хозяйством, иногда только наблюдал за косарями и жнецами; непосредственное его участие заключалось в утренних приказаниях и рекомендациях приказчику, которые не выполнялись. Пульхерия Ивановна вела домашнее хозяйство, не вникая во все, что за его пределами. Поэтому их обманывали слуги, что никак не влияло на неиссякающее изобилие.

Отличительным свойством мира старосветских помещиков Ю. М. Лотман (1988) считает его защитную отгороженность (изб — кронами деревьев, сада — плетнем, дворика — частоколом, а также собачьим лаем, поющими дверями). Пейзаж и все предметы располагаются в виде концентрических кругов. Убранство «невзыскательного домика» отличается уютом. В комнатах тепло, даже жарко, опрятно и чисто. Мебель в доме старинная. Помимо уюта, привлекательна поэзия поющих дверей, у каждой из которых свой голос, — «самое замечательное» в доме. Это пространство тихой преданности и заботы, с «ручным» бытом, где «вещественное открывается навстречу задушевной беседе» (Шульц С. А., 1994, с. 63). Обстановка подчеркивает внешнюю незначительность старосветской жизни, ограниченность привычными

предметами и неспешным ходом жизни, типичным для старосветской патриархальности. Красота и тишина природы, удаленность от «цивилизации» вызывают приятное и спокойное состояние души обитателей: «На лицах у них написана такая доброта, такое радушие и чистосердечие, что невольно отказываешься, хотя, по крайней мере, на короткое время, от всех дерзких мечтаний и незаметно переходишь со всеми чувствами в низменную буколическую жизнь» (2, 14). Она получает наименование низменной всего лишь потому, что малосодержательна. Поскольку Гоголь дает живописное описание потребления разнообразной еды, можно предположить, что этим и ограничиваются, на первый взгляд, жизненные ориентации Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны. Но более внимательный взгляд обнаруживает за этим видимым, поверхностным слоем бытия иное, а именно: глубокую привязанность друг к другу не имевших детей супругов. Событийный анализ позволяет это доказать.

Жизненные события служат «проявителями» внутреннего мира. Печальное жизненное событие, изменившее навсегда жизнь в усадьбе, — смерть хозяйки, Пульхерии Ивановны: «Событие это покажется тем более разительным, что произошло от самого маловажного случая. Но, по странному устройству вещей, всегда ничтожные причины родили великие события, и наоборот — великие предприятия оканчивались ничтожными следствиями» (2, 28). Кошка Пульхерии Ивановны, к которой она была привязана, сбежала к диким котам, обитавшим в лесу; вернувшись, насытилась и вновь сбежала. Хозяйка решила, что это ее смерть пришла за ней, после чего стала собираться умирать. Она была так уверена в скорой своей смерти, что вскоре слегла и умерла. По замечанию М. Н. Виролайнена, неподвижный мир Гоголь наполняет живым движением, которое оказывается катастрофичным: «Нарушение замкнутости приводит к гибели. Со смертью Пульхерии Ивановны в комическом сюжете возникает трагическая тема, смерть проявляет в героях истинно человеческое» (1979, с. 141). Кончина Афанасия Ивановича, наступившая спустя несколько лет, напоминает смерть Пульхерии Ивановны. Услышав зовущий его голос, он решил, что Пульхерия Ивановна пришла за ним и «весь покорился своему душевному убеждению» (2, 37).

Смерть Пульхерии Ивановны духовно пробуждает Афанасия Ивановича, пораженного до отсутствия слез и бесчувствия. Его горе глубоко (для контраста Гоголь приводит историю своего знакомого, страшно переживавшего смерть любимой и пытавшегося покончить с собой, но через год совершенно утешившегося с новой женой). Через пять лет Афанасий Иванович «согнулся вдвое против прежнего». Сила горя его не уменьшилась, а в комнатах царил «странный беспорядок». Привычка, которой Гоголь именуется чувство Афанасия Ивановича, на самом деле и есть истинная глубокая любовь: «Боже! — думал я, глядя на него, — пять лет всеистребляющего времени — старик уже бесчувственный, старик, которого жизнь, казалось, ни разу не возмущало ни одно сильное ощущение души, которого вся жизнь, казалось, состояла только из сидения на высоком стуле, из ядения сушеных рыбок и груш, из

добродушных рассказов, — и такая долгая, такая яркая печаль! Что же сильнее над нами: страсть или привычка?» (2, 36).

Главное в старосветских помещиках — это их взаимная любовь, на которую нельзя было смотреть без участия. Как верно заметил М. Н. Бойко (2005), «идеальная любовь принадлежит не поре молодости и не абстрактному прекрасному бытию вне убывания времени, — она отнесена к закату жизни, и в этом не просто спор автора со всей канонической историей мотива, но ощущение изначального трагизма, сохраняющегося и в самом счастливом бытии» (с. 288).

Старосветские помещики любили не только друг друга, но и окружающих, отличаясь радушием и гостеприимством. Старосветские помещики предлагали гостю не только еду, но и мир и душевный покой. И гости, ощущавшие благотворное действие чистых ясных душ, были рады ездить к ним, хотя и страшно объедались.

Гоголь подчеркивает младенческую чистоту Афанасия Ивановича, сравнивая его участливость с любопытством «ребенка, который в то время, когда говорит с вами, рассматривает печатку ваших часов» (2, 16). И. Ф. Анненский (1979) был восхищен чистотой сердца и бессмертной любовью Пульхерии Ивановны, которая, умирая, заботится не о себе, а только об Афанасии Ивановиче. Пульхерию Ивановну М. Н. Бойко (2005) называет уникальным безраздельно светлым и гармоничным женским образом, лишенным внешнего совершенства, но наполненным душевной теплотой и преданностью любимому человеку. Уходя из жизни, она беспокоилась только о том, как останется без нее Афанасий Иванович.

При всей доброте к другим и взаимной любви старосветских помещиков очевидна неполнота их личности, проявляющаяся перед лицом неминуемой смерти, конечности всякого земного бытия. Пульхерия Ивановна, предчувствуя смерть, думала только о своем спутнике, а не своей душе и вечности: «Бедная старушка! Она в то время не думала ни о той великой минуте, которая ее ожидает, ни о душе своей, ни о будущей своей жизни; она думала только о бедном своем спутнике, с которым провела жизнь и кого оставляла сирым и бесприютным» (2, 32). В. В. Зеньковский (2005) увидел в этом признак «духовной скудости». В земном раю, среди полной идиллии, смерть страшна и сопряжена с душевными, но не духовными переживаниями (Бойко М. Н., 2005). У Гоголя судьба старичков вызывает жалость и грусть, когда он думает о том, что осталось от них — «опустелое жилище», «куча развалившихся хат», «заглохший пруд», «заросший ров на том месте, где стоял низенький домик, — и ничего более» (2, 14). Имение было частично растащено, а окончательно развалено дальним родственником, получившим его в наследство.

Наиболее спорен вопрос о значении еды для понимания личности персонажей. По замечанию И. А. Виноградова, преувеличенное внимание к пище подчеркивает «искажение изначального “первообраза” патриархальной жизни — почти полное забвение идиллическими героями духовных ценностей: состояние, в котором о Боге вспоминают лишь в приближении смерти или же при мысли о возможных несчастьях: “путь Бог милует от разбойников!”» (2000,

с. 119). С духовной точки зрения, это дремлющая, почти растительная жизнь, нуждающаяся в пробуждении, а «близкое к состоянию духовной смерти состояние животного покоя никак не может являться идеалом человеческого существования» (Там же). Еще более категоричны В. Ф. Переверзев, В. В. Ермилов, С. И. Машинский, Г. А. Гуковский, увидевшие в старосветских помещиках «небокоптителей», только лишь с «отблесками» любви, способных проявлять привязанность только в еде; а также современный исследователь А. В. Моторин, обнаруживший в повести «колебания между бездуховной чувственностью и пантеистической магией» (1999, с. 78).

Такая строгая оценка может быть оправдана только в сравнении реального бытия с идеалом. Имеющая место неполнота личности превосходит поверхностную броскость многих. В том и величие Гоголя, что, словами К. С. Аксакова, он открыл путь к сочувствию там, где другие увидели бы только пошлость и животность. Посреди «низшей, естественной жизни» он обнаружил глубокое, высшее человеческое чувство (Манн Ю. В., 2007).

Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна сопоставляются самим Гоголем с героями греческой мифологии идеальными супругами Филемоном и Бавкидой, которые дожили до глубокой старости, умерли одновременно и были превращены богами за взаимную любовь и гостеприимство в два сросшихся дерева. «Если бы я был живописец и хотел изобразить на полотне Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избрал другого оригинала, кроме их», — пишет Гоголь (2, 15). Филемон и Бавкида описаны Овидием, а также Гете, у которого они находят силы противостоять злой воле Фауста. Образец идеального и с духовной позиции супружества есть в житиях святых. Это святые благоверные князя Петр и Феврония Муромские, в старости одновременно принявшие монашество, которые умерли одновременно и похоронены в одной гробнице.

Литература

1. Анненский И. Ф. Книги отражений. М., 1979.
2. Бойко М. Н. Авторские миры в русской культуре первой половины XIX века. СПб., 2005.
3. Виноградов И. А. Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М., 2000.
4. Виролайнен М. Н. Мир и стиль («Старосветские помещики» Гоголя) // Вопросы литературы. 1979. № 4.
5. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. в 14 тт. М., 1937-1952.
6. Гуминский В. Н. Гоголь и четыре урока «Миргорода» // Н. В. Гоголь и православие / Сост. В. А. Алексеев. М., 2004.
7. Зеньковский В. В. Н. В. Гоголь // Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. М., 2005.
8. Климов Е. А. О психологическом знании в «Предисловии» к “Вечерам на хуторе...” Н. В. Гоголя // Вопросы психологии. 2002. № 1.
9. Коржова Е. Ю. Путеводитель по жизненным ориентациям: Личность и ее жизненный путь в художественной литературе. СПб., 2004.

10. Крутикова Н. Е. Н. В. Гоголь. Исследования и материалы. Киев, 1992.
11. Летин В. А. Визуализация художественной картины мира Н. В. Гоголя: Автореф. дисс. ... канд. культурологии. Ярославль, 1999.
12. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1988.
13. Манн Ю. В. Творчество Гоголя: Смысл и форма. СПб., 2007.
14. Моторин А. В. Духовные противоречия Гоголя. Великий Новгород, 1999.
15. Шульц С. А. Гоголь. Личность и художественный мир. М., 1994.